
С.Г. Кирдина

К ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЮ
ПРИНЦИПА МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО
ИНДИВИДУАЛИЗМА

Москва
Институт экономики
2013

Кирдина С.Г. К переосмыслению принципа методологического индивидуализма. – М: Институт экономики РАН, 2013. – 54 с.

ISBN 978-5-9940-0432-6

Доклад является частью более широкого проекта «Направления критики современной экономической теории и проблема ее базовых предпосылок». В нем рассматриваются возможности и ограничения принципа методологического индивидуализма, входящего в ядро базовых предпосылок *mainstream economics*. Приводятся дискуссии вокруг принципа методологического индивидуализма в современном российском обществоведении. Тестируется предпосылка «методологического институционализма» как основы иного *vision* в экономической теории.

Ключевые слова: методологический индивидуализм, марксистская школа экономической мысли, институциональная теория.

Классификация JEL: B50, B51, B52.

Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, гранты № 11-02-00088 и № 13-02-14010г.

Kirdina Svetlana. Rethinking Methodological Individualism. Moscow, RAS Institute of Economics, 2013. – 54 p.

This report is a part of the wider research project «Main Trends in Critiques of Modern Economic Theory and Problems Related to Basic Assumptions». The capabilities and limitations of methodological individualism as a core principle of *mainstream economics* are explored. The recent debate dealing with methodological individualism in Russian social sciences is considered. As a challenging view, premises for «methodological institutionalism» are offered and considered as an alternative *vision* for economic theory.

Keywords: methodological individualism, Marxian school of economic thought, institutional theory.

JEL Classification: B50, B51, B52.

ISBN 978-5-9940-0432-6

© Институт экономики РАН, 2013
© Кирдина С.Г., 2013
© Валериус В.Е., дизайн, 2007

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА I. Принцип методологического индивидуализма в концептуальном ядре <i>mainstream economics</i>	7
1. Методологический индивидуализм: определение	7
2. Методологический индивидуализм, школы экономической мысли и исследовательские парадигмы	12
3. «Линия фронта» борьбы с методологическим индивидуализмом	21
ГЛАВА II. Дискуссии вокруг принципа методологического индивидуализма в российском обществоведении	26
1. Социологическая дискуссия: активистско-деятельностный подход как синтетическая альтернатива	26
2. Расширительная трактовка принципа методологического индивидуализма в экономической социодинамике и теории опекаемых благ	31
ГЛАВА III. «Методологический институционализм» — основа иного <i>vision</i> в экономической теории	35
1. Методологический институционализм как выражение методологического холизма в обществоведении	35
2. От Т. Веблена и К. Маркса — к сравнительному институциональному анализу и теории институциональных матриц	42
Заключение	48
Литература	50
Об авторе	55

ВВЕДЕНИЕ

Настоящий доклад подготовлен в рамках исследовательского проекта Института экономики РАН «Направления критики современной экономической теории и проблема ее базовых предпосылок». Он является частью коллективной работы, поэтому соотношение с работами коллег мы рассматриваем как обязательную и необходимую часть собственной исследовательской программы. Речь идет о реакции как на уже подготовленные доклады в рамках проекта (Ананьин, 2013; Ольсевич, 2013), так и на более ранние публикации участников, относящиеся к обсуждаемой теме.

Поскольку основным объектом критики выступает экономическая теория так называемого мейнстрима, или *mainstream economics*, то именно ее предпосылки подвергаются преимущественному анализу. Принцип методологического индивидуализма, по мнению участников проекта, лежит в основании концептуального ядра *mainstream economics*, поэтому он заслужил «отдельной строчки» в составе проектных тем.

Три основных вопроса рассматриваются в докладе, и каждому посвящена соответствующая глава.

Во-первых, охарактеризована роль методологического индивидуализма в общей структуре предпосылок мейнстрима. Рассмотрены особенности проявления этого базового принципа в контексте основных школ экономической мысли и доминирующих общенаучных парадигм. Высказываются предположения о том, в какой мере и для решения каких исследовательских задач дан-

ный принцип является наиболее адекватным, каковы перспективы и ограничения предпосылки методологического индивидуализма в актуальной экономической теории.

Во-вторых, группа вопросов касается дискуссий вокруг принципа методологического индивидуализма в современном российском обществоведении. Нельзя не признать, что научный дискурс в области социологической и экономической теории, особенно при обсуждении методологических проблем, зачастую концентрируется у нас вокруг работ представителей мировой научной мысли. Как правило, речь идет об авторах из стран Большой четверки (США, Великобритания, Германия и Франция)¹. Интерес к отечественным теоретическим исследованиям существенно снизился в постсоветской России, как и вера в творческие возможности наших обществоведов. Нам с этой тенденцией трудно примириться. Стараясь восполнить недостаток внутренних методологических дискуссий, специальную главу доклада мы посвящаем изложению социологических и экономических теоретических исследований российских ученых. Выбраны те направления, которые стремятся преодолевать ограничения методологического индивидуализма с целью более глубокого познания современной реальности.

В-третьих, мы не могли не уделить внимания возможным альтернативам принципу методологического индивидуализма, поскольку критика «сама по себе» недостаточно конструктивна. Кому, например, интересен медицинский диагноз, если не даются рецепты, как лечить выявленную болезнь? И дело не в том, что предпосылка методологического индивидуализма в принципе неверна — для определенного круга задач она, как и сопряженная с ней структура категорий экономического мейнстрима, наверняка применима. В то же время для понимания, например, долговременных процессов социально-экономической динамики необходимы, на наш взгляд, иные «методологические линзы». Поэтому в заключительной главе обсуждается принцип «методологического институционализма», на основе которого формируются исследовательские подходы в параллельном мейнстриму направлении гетеродоксной экономики.

1. Термин «Большая четверка» (Big Four) предложен Грегори Сандстромом (Gregory Sandstrom).

Методологический институционализм представляет собой реализацию общенаучного принципа методологического холизма в сфере обществоведения. Его основу заложили великие классики прошлого Торстейн Веблен и Карл Маркс, чтимые как в пантеоне социологов, так и экономистов. В современной науке методологический институционализм «пробивает себе дорогу» в исследованиях эволюционного и институционального направлений, *path dependence*, системно-ориентированных программ, *history matters* (история имеет значение), сравнительного институционального анализа и др. В этом контексте представляется уместным напомнить об авторской теории институциональных матриц, также опирающейся на принцип методологического институционализма.

В заключении доклада рассматриваются некоторые возможные перспективы развития концептуального ядра экономической теории, более адекватной реалиям сегодняшнего дня.

Совместная работа по общеинститутскому проекту «Направления критики современной экономической теории и проблема ее базовых предпосылок» только начата. Хотя при подготовке данного доклада мы опирались на результаты работы предшествующих лет, тем не менее, некоторые гипотезы высказываются здесь впервые. Кроме того, в ряде случаев направления дальнейших научных исследований лишь обозначены. Поэтому все соображения, замечания и аргументы коллег будут с благодарностью приняты.

ПРИНЦИП МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО ИНДИВИДУАЛИЗМА В КОНЦЕПТУАЛЬНОМ ЯДРЕ MAINSTREAM ECONOMICS

1. Методологический индивидуализм: определение

Рассмотрение любых базовых предпосылок требует очертить тот круг теоретических представлений, которым они имманентны и для которых выступают в качестве методологического каркаса. Принцип методологического индивидуализма является частью концептуального ядра экономических представлений, связываемых, прежде всего, с экономическим мейнстримом, или *mainstream economics*.

Под *mainstream economics* понимается общедисциплинарная организация экономического знания, или концептуальная популяция, объединенная общими идеалами и нормами экономических исследований. К этому направлению относятся как ортодоксальная экономическая теория, так и неинституциональная теория. Если в отношении ортодоксии признание ведущей роли принципа методологического индивидуализма является общим местом, то для последней (не по значению, но по списку) необходимы дополнительные аргументы, и ниже они будут представлены.

Принцип методологического индивидуализма реализуется в необходимом взаимодействии со следующими базовыми постулатами (основными предпосылками) мейнстрима, составляющими концептуальное ядро данного направления:

- собственно принцип методологического индивидуализма предполагает модель рационального (ограниченно рационального) экономического агента;
- агентам вменяется принцип максимизации, определяющий экономическое поведение агентов рынка в соответствии с категорией субъективной полезности;
- необходимым является наличие конкуренции (в разных видах) между агентами;
- предусматривается возможность достижения рыночного равновесия, то есть постулируется рост предельных издержек по мере постепенного увеличения выпуска, или «закон убывающей отдачи» факторов производства.

Данный набор может быть представлен в разных вариациях. Так, в недавнем докладе одного из участников проекта Ю.Я. Ольсевича список постулатов мейнстрима расширен за счет включения таких аксиом, как наличие устойчивых «выявленных предпочтений», определяющих «рыночный выбор» субъектов рынка; далее, аксиомы о полной информированности субъектов рынка; трактовкой субъектов рынка как «представительных агентов» — единообразных добросовестных индивидов и фирм; представлением о том, что мотивация субъектов рынка (заработная плата, доход на капитал, прочие доходы) определяется по общим законам рыночного ценообразования и др. (Ольсевич, 2013, с. 11). Ольсевич также указывает на резюмирующую этот набор постулатов парадигму Г. Беккера (Becker, 1976), отмечающего особую роль предпосылок максимизации, рыночного равновесия и устойчивых предпочтений.

Почему именно принцип методологического индивидуализма мы считаем основополагающим в этом «джентльменском наборе» экономического мейнстрима? Потому, что все указанные (и не указанные здесь) постулаты «предполагают *объяснение* общественных явлений в терминах индивидуального поведения», что, по определению Стивена Льюкса (Lukes), составляет содержание принципа методологического индивидуализма (цит. по: Ходжсон, 2003, с. 98). Хотя индивидуализм не представляет собой «апологию эгоизма», тем не менее, согласно данному принципу, все экономические феномены понимаются через индивидуальные действия экономических агентов. Экономический субъект — таковым может пола-

гаться как индивид, так фирма и даже государство — служит главной отправной точкой теоретического анализа (Шаститко, 2002, с. 36).

При этом разные исследователи вменяют экономическому субъекту (*homo economicus*) те или иные особенности, которые объясняют его экономическое поведение. Речь может идти о человеке, максимизирующем положительные ощущения и избегающем наказания, то есть о своего рода «машине удовольствия», или *pleasure machine* (Edgeworth, 1881). При этом удовольствие можно понимать достаточно широко, включая не только физическое, но также ментальное, духовное и пр. (Mill, 1961). Дж. М. Кейнс считал индивида склонным к сбережениям и подверженным «денежным иллюзиям», М. Фридмен и Э. Фелпс находили у него «адаптивные ожидания», в то время как Р. Лукас, Т. Сарджент и Н. Уоллес полагали, что для индивида характерны «рациональные (макрорациональные) ожидания» (Худокормов, 2009, с. 182). В основу «экспериментальной экономики» нобелевский лауреат Д. Канеман также ставит индивида (там же, с. 36). Этот список можно продолжить.

При этом, чем бы ни руководствовался экономический агент — стремлением к максимизации полезности, как это принято в классической модели, желанием сохранить статус-кво, избегать риска и неопределенности (Ольсевич, 2007), привычками, традициями и нравственными устоями по В. Смиту или стремлением к достижению «контрольных цифр» роста продаж, темпов роста, доли рынка по Г. Саймону (Худокормов, 2009, с. 34) — именно индивидуальное поведение представляется главным для понимания сути экономических процессов, причем не только на микро-, но и на макроуровне.

Реализующая принцип методологического индивидуализма «поведенческая макроэкономика» оформилась в 1970-е гг. в результате известного «поведенческого сдвига. Именно тогда Э. Фелпс призвал «ввести индивидов в экономические макромоделю» (там же, с. 46), а Дж. Акерлоф вслед за ним отмечал, что «макроэкономика должна быть основана на подобных поведенческих соображениях».

Основанная на принципе методологического индивидуализма система постулатов ортодоксальной экономики, берущая начало от классического труда «Принципы экономической науки» А. Маршалла (1890), окончательно оформилась к середине XX века.

К этому времени принцип «методологического индивидуализма» терминологически был уже введен в программу экономических исследований Й.А. Шумпетером, который «дал название тому, что уже и так объединяло неоклассических авторов и отличало их от своих классических предшественников» (Допфер, 2008, с. 112). Базирующаяся на принципе методологического индивидуализма система постулатов сохраняет свою устойчивость, и пока не сложилось альтернативного сравнимого по популярности и проработанности направления экономического знания, базирующегося на иных методологических предпосылках.

Отмеченная устойчивость мировоззренческого ядра, или *hard core*, по Лавоие (Lavoie, 1992), ортодоксальной экономической теории, а также явная или неявная приверженность поколений экономистов принципу методологического индивидуализма объясняет возможности постоянного синтеза предпринимаемых теоретических инноваций с мейнстримом.

Так, в свое время Кейнс показал, что рыночная экономика страдает внутренней неустойчивостью в силу ограниченности совокупного спроса, что вызывает спад деловой экономики и рост безработицы. Его вывод о том, что, соответственно, требуется рост государственных расходов и инвестиций, представлялся сначала как «кейнсианская революция». Но впоследствии идеи Кейнса стали восприниматься лишь как уточнение условий рыночного равновесия и тем самым его дополнительное доказательство. Неоклассики Дж. Хикс и П.А. Самуэльсон в результате операции, получившей название «неоклассический синтез», органично включили идеи Кейнса для улучшения неоклассической теории (Теория капитала и экономического роста..., 2004, с. 37). Это представляется вполне естественным, поскольку Кейнс также моделировал экономику, в которой действуют индивиды, максимизирующие свою полезность.

То же справедливо в отношении современной поведенческой теории. «При своем появлении на свет она рассматривалась как альтернатива традиционной неоклассической микротeorии и всему западному мейнстриму в целом. Однако в настоящий момент нарождается тенденция включения behavioral economics в состав «основного ядра» экономической теории Запада» (Худокормов, 2009, с. 38).

Аналогичная ситуация характеризует неонституциональную экономическую теорию, которая остается, по сути, на тех же методологических позициях, что и неоклассическая экономика. Исследователи отмечают, что неонституционалисты, хотя и стремились выйти за пределы базовых постулатов ортодоксальной теории, остались в рамках ее парадигмы (Нестеренко, 2002, с. 11). Как отмечает М. Блауг, «школа институциональной теории представляет собой не более чем легкую склонность к отступлению от ортодоксальной экономической науки» (Блауг, 1994, с. 958). В неонституциональной теории институты рассматриваются как «правила игры», сознательно созданные индивидами для организации взаимодействия с целью структурирования стимулов обмена и уменьшения транзакционных издержек при максимизации полезного эффекта (Норт, 1997, с. 16). Порой их понимают как социальные организации, «формирующие долговременные рутинизированные схемы поведения» индивидов (Ходжсон, 2003, с. 37) или как устойчивые стереотипы индивидуальных действий – «рутины» (Нельсон, Уинтер, 2002) и т.п.

Во всех этих случаях исследователи исходят из предпосылки методологического индивидуализма, предполагающего объяснение становления и развития институтов «в терминах индивидуального человеческого поведения». Как отмечает О.И. Ананьин, даже основатель новой институциональной экономики Д. Норт пишет о том, что экономика, «отказывается от изучения того контекста, в котором делается выбор» (Ананьин, 2013, с. 34). Поэтому трудно не согласиться с тем, что «и по своей методологии, и по теоретическому содержанию, и по общему социальному смыслу выводов неонституционализм продолжает – в преобразованном, модифицированном виде – линию либеральной экономической теории, уходя корнями в традиции неоклассики» (Худокормов, 2009, с. 194; см. также: История экономических учений, 2007, с. 653–687).

В данном случае сохраняет свою актуальность замечание Дж. Коммонса о том, что, несмотря на разнообразные теоретические новации, по сути анализируется «экономика максимизации чистого дохода. В последние годы эта теория объединила определенные институциональные факторы ... под термином «несовершенная конкуренция», «монополистическая конкуренция», «конкурентная

монополия». ... Однако даже если их усложнить эволюционными моментами, теория эта по-прежнему останется экономикой максимизации чистого дохода ...» (Коммонс, 2007/1936, с. 60), построенной на основополагающем принципе методологического индивидуализма.

Очередной «новый неоклассический синтез», зафиксированный совсем недавно (Woodford, 2009), подробно описан в докладе Ю. Я. Ольсевича, подготовленного в рамках настоящего проекта. В нем отмечено, что на нынешнем этапе развития мейнстрима удалось соединить уже не только неоклассическую модель общего рыночного равновесия и кейнсианскую макроэконометрическую стохастическую модель, но дополнить их теориями рациональных ожиданий, реального делового цикла и монетаристской теорией инфляции (Ольсевич, 2013, с. 20–21). Как и на предыдущих этапах, возможность очередного синтеза обусловлена общностью базовых предпосылок популяции экономистов, объединенных общими идеалами и нормами экономических исследований. Принцип методологического индивидуализма играет среди них ведущую роль.

2. Методологический индивидуализм, школы экономической мысли и исследовательские парадигмы

Конечно, принцип методологического индивидуализм, как и связанный с ним набор постулатов, поддерживается не всеми экономистами, или не всеми экономистами в равной мере. Представители разных научных школ экономической мысли, как и приверженцы различающихся общенаучных парадигм, отводят ему неодинаковое место. Попробуем понять причины этих различий.

В современной экономике основными научными школами являются, на наш взгляд, неоклассическая, австрийская и марксистская. Вслед за Дэвидом Янгом мы согласны с тем, что, несмотря на разнообразие альтернативных подходов и школ (региональных или национальных), именно эти три школы характеризуются специфичностью исходных философских и методологических предпосылок, определенными историческими корнями и принятыми оригинальными образцами исследовательских программ (Young, 2002, p. 49).

Мы полагаем возможным утверждать, что серьезно работающие в области экономической теории ученые явно или неявно принадлежат к одной из этих школ, поскольку исходят из допущений, принятых в названных школах экономической мысли, даже если и не отдают себе в этом отчета.

Неоклассическая (neoclassical), австрийская (Austrian) и марксистская (Marxian) школы являются сегодня основными конкурирующими современными мета-теориями. Все другие исследовательские подходы, в том числе и институциональный, на наш взгляд, находятся под влиянием (или в рамках развития) одной из этих школ. Так, как было показано ранее, институционалисты могут базироваться на предпосылках, соответствующих ортодоксальному экономическому мейнстриму (неоклассическая школа) — тогда они образуют известное неинституциональное направление. Но те, кто изучает институты, могут исходить из предпосылок гетеродоксных направлений — австрийской или марксистской школ. Поэтому институционалисты разных школ развивают неодинаковые подходы к изучению институтов и демонстрируют различные образцы их анализа.

В настоящее время **неоклассическая школа**², или ортодоксальная экономика, образует мировой мейнстрим экономической теории, она массово представлена в учебниках высшей школы, ее представители чаще других получают Нобелевские премии. Особенности неоклассической школы заключаются в ее исходных предпосылках, которые были представлены ранее, в п. 1.

Гораздо менее популярна **австрийская школа**. Особенностью австрийской школы³, как известно, является важнейшее положение о том, что социальные и рыночные явления следует объяснять под углом зрения конкретной деятельности конкретных людей, поскольку лишь человек способен думать, оценивать, выбирать и действовать. Как писал один из основателей и крупнейших

-
2. Термин «neoclassical economics» впервые употребил американский институционалист Т. Веблен (Veblen, 1919) для обозначения современных ему ортодоксальных экономистов (см. McCormick, 2006, p. 141).
 3. К австрийской школе относят несколько поколений ученых, включая К. Менгера, Е. Бём-Баверка, Ф. фон Визера, Л. фон Мизеса, Ф. фон Хайека, Б. Андерсона, М. Ротбарда, О. Моргенштерна, иногда Й. Шумпетера и др.

представителей австрийской школы К. Менгер, «человек со своими потребностями и своей властью над средствами удовлетворения последних составляет исходный и конечный путь всяческого человеческого хозяйства» (Австрийская школа в политической экономии..., 1992, с. 89). Последовательный монистический субъективизм (только отношение того или иного субъекта к благу определяет его ценность) является важнейшей особенностью австрийской школы. При этом субъект может ошибаться (он не рационален, как предполагают неоклассики), и эти ошибки также будут играть свою роль в формировании ценности благ. Для «австрийцев» особую роль имеет фактор времени и фактор неопределенности, они признают изменчивость поведения субъектов во времени и динамику ценностных установок, что не позволяет установиться общему равновесию, как это признается в неоклассической теории.

Тем не менее, представители австрийской школы также «исповедают» методологический индивидуализм, «согласно которому все социальные феномены — их структура и их изменение — в принципе могут быть объяснены при помощи одних только индивидов: их свойств, их целей, их воззрений и их действий» (Gintis, 1987, p. 5).

Марксистская школа экономической мысли, в отличие от предыдущих, объединяется вокруг идей лишь одного экономиста, давшего ей свое имя. Тем не менее, она достаточно разнородна как в силу многогранности трудов самого Карла Маркса, так и фантазии его интерпретаторов. С точки зрения нашего предмета она представляет, тем не менее, особый интерес, поскольку дает основания для переосмысления принципа методологического индивидуализма, в отличие от безусловно принимающих его неоклассической и австрийской школ.

Для марксистской школы оказывается небесполезным разделить взгляды самого Маркса и его последователей, поскольку для критического анализа принципа методологического индивидуализма оригинальные идеи Маркса наиболее плодотворны.

Первая черта, отличающая его взгляды от экономистов других школ, состоит в признании роли материальной среды для экономической деятельности. Результаты хозяйствования определяются не только особенностями поведения экономических субъектов, но

и *материально обусловлены* уровнем развития производительных сил. При этом Марксова диалектика и исторический материализм указывают на взаимозависимость общественного сознания, социальной практики и условий, в которых живут люди. Таким образом, в результатах любой социальной деятельности, в том числе экономической, находит свое отражение и сознательный человеческий, и материальный «средовой» факторы.

Другой особенностью Марксова подхода является признание того, что разный характер и уровень развития производительных сил обуславливает различие институциональной среды, в которой действуют экономические субъекты. Маркс заложил основания сравнительного анализа «множественности» экономик в соразмерных им понятиях (капиталистическую он рассматривал лишь как одну из них). Если представители двух вышеназванных школ исходят фактически из одного типа экономики, предполагающего рыночную конкуренцию (Ананьин, 2013, с. 29), то Маркс выделяет в своем анализе исторически сменяющиеся друг друга способы производства, отличающиеся типом доминирующих «надындивидуальных» экономических отношений (институтов).

В третьей главе мы покажем, как эти идеи Маркса помогают переосмыслить принцип методологического индивидуализма. Этой же цели служит понимание специфики общенаучных парадигм, которых придерживаются те или иные обществоведы.

Характер парадигм отличается от специфики научных школ. На наш взгляд, *парадигма имеет более широкий смысл и «выходит за рамки» собственно экономической (как и любой другой дисциплинарной) теории*⁴, к которой мы относим названные выше школы.

Действительно, принадлежность к той или иной научной школе отражает, прежде всего, набор квалификационных профессиональных знаний экономиста-теоретика, его (ее) понятийно-терминологическую систему, связанную с определенным ракурсом исследования экономических явлений, характер научных связей и соотносённость с определенным кругом специальной научной литературы.

4. Здесь наше понимание отличается от взглядов, например, О.И. Ананьина, Г.Б. Клейнера, Я. Корнаи и др., которые говорят о наличии парадигм в собственно экономической теории.

В отличие от этого, парадигма характеризует, как правило, не специальную дисциплину (например, экономику), но науку в целом или группы наук (например, социальные или естественные науки). Закрепленное Т.С. Куном (Кун, 1975) в методологии науки понятие парадигмы предполагает некое принципиальное видение мира и общие мировоззренческие, философские ценности, характер принятых символических обобщений, схожие концептуальные схемы и образцы решения задач. Следование той или иной парадигме характеризует экономиста-теоретика не как специалиста в своей узкой предметной области, но как ученого в широком смысле этого слова, показывает специфику его (ее) общефилософского видения вне зависимости от той или иной конкретной школы экономической мысли, которую он(а) развивает.

Опыт показывает, что можно принадлежать к одной школе экономической мысли, но следовать при этом разным парадигмам, и наоборот. Поэтому для рассмотрения ограничений и перспектив принципа методологического индивидуализма выявление особенностей основных общенаучных парадигм, которых придерживаются современные экономисты, представляется весьма полезным.

Хронологически возникшая ранее других, **антропоцентричная парадигма** отражает взгляд на экономику как «науку об индивидуальном человеческом поведении». Концепции в духе антропоцентризма характерны не только для общественных, но и естественных наук. Например, антропный принцип является одним из фундаментальных принципов современной космологии (Новая философская энциклопедия, 2000, с. 131). В социальных науках антропоцентрическая парадигма находит свое выражение в том, что самостоятельность индивида как субъекта свободного выбора и ответственного поступка является центральной предпосылкой развиваемых на ее базе концепций. Приоритеты личности перед интересами любых сообществ и неотчуждаемость ее естественных прав также формируют ядро методологических допущений антропоцентричной парадигмы (Антропоцентризм, 2000, с. 142). В ее рамках основными полагаются либеральные ценности и ценности индивидуума, а важнейшей методологической установкой — анализируемый нами принцип методологического индивидуализма (там же). Общество при таком подходе понимается как совокупность

множества индивидуумов, формирующих правила (институты) в результате преднамеренного или непреднамеренного (спонтанного) поведения.

Эволюционная парадигма, оформившаяся как система взглядов гораздо позже, рассматривает процесс экономического развития как неравновесный процесс, в котором действуют не отдельные индивиды, а популяции экономических агентов и законы эволюции: наследственности, изменчивости (мутации) и естественного отбора. Эволюционные принципы связывают прежде всего с именем Чарльза Дарвина. Однако социологи знают, что эти идеи он почерпнул у своего соотечественника философа и социолога Герберта Спенсера и затем применил к анализу развития биологических видов.

Эволюционная парадигма в экономике предполагает необходимое разнообразие агентов и конкуренцию за ресурсы (или «завистливое сравнение» по Т. Веблену). Следствием закона естественного отбора является приспособление к внешней среде, выживание сильнейшего и передача в популяции свойств, способствующих выживанию, хотя и имеют место мутации.

Широкий спектр эволюционных экономических теорий связан с принадлежностью к этой парадигме. Например, в неоклассической школе такие исследования объединены в направлении «эволюционная экономика» (Сопин, 2009). Хотя по ряду позиций эволюционные экономисты противопоставляют себя неоклассическому мейнстриму⁵, они явно или неявно продолжают следовать важнейшим исходным предпосылкам неоклассики. К таким предпосылкам относятся представления о рациональных индивидах (экономических агентах), ориентированных на максимизацию полезности и действующих в конкурентном рыночном пространстве. Фактически можно говорить о том, что представители эволюционной экономики дополняют неоклассику исследованиями фактора неопределенности, что связано с неполнотой информации.

5. Так, представители эволюционной экономики не принимают идеи равновесия, выделяют различные стратегии поведения агентов (отмечают неоднородность агентов), уделяют большее внимание случайным стохастическим факторам и процессам развития. Но, как отмечают исследователи науки, это «не означает невозможности интеграции некоторых идей эволюционной теории в неоклассическую парадигму» (История экономических учений, 2001, гл. 36).

Также они рассматривают адаптацию как один из видов максимизирующего поведения экономического агента, например, в условиях доминирующего дизайна (Нельсон, Уинтер, 2002, с. 74–75) и вводят при этом дополнительные правила рационального выбора, включая рутины (институты) и др. Эти уточнения, как правило, уже включены в корпус неоклассики.

Таким образом, эволюционная парадигма в экономике (точнее, сформулированные в ее рамках теоретические подходы) также подразумевает предпосылку методологического индивидуализма в своем концептуальном ядре. Как можно видеть, даже представленный в недавней работе Дж. Дози «Великий эволюционный проект» (Дози, 2012), претендующий заместить «пустые», по его мнению, исследования неоклассической школы релевантным экономическим анализом, опирается на этот принцип. Методологический индивидуализм в этом случае лежит в основе неравновесного (в отличие от неоклассики) взаимодействия агентов, признаваемых ограниченно рациональными, разнородными, способными обучаться и так далее (Дози, 2012, с. 31).

Следующая парадигма, которой также следуют современные экономисты – **системная парадигма**. Если эволюционная парадигма сформировалась еще к началу XX века, то системная парадигма развивается и становится распространенной относительно недавно – во второй половине XX века. Что же касается синергетического направления (самоорганизации), характеризующего развитие системной парадигмы в отношении динамических процессов, то оно складывается на наших глазах (подробнее о закономерностях ее становления см. Малков, 2009). В докладе В.Н. Лившица на семинаре Института экономики РАН в марте 2013 г. история системного анализа, как и его основные черты, были энциклопедически и всеобъемлюще проанализированы (Лившиц, 2013). Мы же остановимся на особенностях системной парадигмы в экономической теории. Наиболее полно, на наш взгляд, их обозначил венгерский экономист Януш Корнай (Корнай, 2002). Опираясь на них, мы далее попробуем предъявить альтернативу принципу методологического индивидуализма. Итак, Корнай выделяет следующие особенности проявления системной парадигмы в экономических исследованиях:

- 1) целостное рассмотрение общественной системы; объект изучения — взаимосвязи между системой как целым и ее частями;
- 2) исследования имеют комплексный характер и не сводятся к какой-либо частной дисциплине (экономике, социологии, политологии). Особое внимание уделяется взаимодействию разных сфер общества;
- 3) фокус исследований — институты, которые определяют рамки и ход конкретных процессов. Институты понимаются достаточно широко, как структуры, возникшие исторически и развивающиеся эволюционным путем⁶;
- 4) признается тесная увязка существующей организации общества и исторического процесса, в ходе которого она возникла;
- 5) особое внимание уделяется большим изменениям и глубоким трансформациям, а не мелким постоянным переменам;
- 6) отмечается, что «дисфункции», присущие системам, имеют внутренний характер, они встроены в них, их можно лишь смягчить, но не устранить, они самовоспроизводятся и глубоко укоренены в самой системе;
- 7) сравнение выступает наиболее типичным методом и осуществляется в основном на качественном уровне.

В список авторов, реализующих системную парадигму в экономических исследованиях, Корнаи, помимо себя, включил таких ученых, как К. Маркс, представители австрийской (неоавстрийской) школы Й. А. Шумпетер, Л. фон Мизес и Ф. фон Хайек, а также В. Ойкен и К. Поланьи.

Большинство приверженцев системной парадигмы известны своими работами, выходящими за рамки собственно экономической теории. В них анализируется взаимосвязь экономических отношений и изменений общественной жизни в целом (например, «Капитализм, социализм и демократия» Й. Шумпетера, «Великая трансформация» К. Поланьи, ряд работ К. Маркса и т.д.).

6. Корнаи специально отмечает сходство по этой линии между системной парадигмой и неонституциональной теорией, указывая одновременно, что в других аспектах они весьма различны (Корнаи, 2002, с. 10).

Системная парадигма, в отличие от предыдущих, предполагает концентрацию не столько на поведении экономических субъектов, сколько на характеристиках и динамике экономической системы в целом. Развитие системной парадигмы отражает потребность в развитии *системных теорий*, необходимых для интеграции экономического знания. Эта потребность вытекает из усиливающейся фрагментарности эмпирических обобщений в экономике и роста числа частных теорий. Последние, хотя и наполняют «ящик с инструментами», которому Джоан Робинсон уподобила экономическую теорию (Робинсон, 1986/1933), но не позволяют решать проблемы анализа и сопоставления «больших экономик» на протяжении значительных исторических периодов. До сих пор современные экономисты не имеют такого рода теорий, которые бы получили широкое общественное и научное признание, что оставляет открытыми перспективы системной парадигмы в экономических исследованиях.

В силу специфики системной парадигмы придерживающиеся ее ученые менее других склонны следовать принципу методологического индивидуализма. Упомянутые выше работы наиболее выдающихся представителей системной парадигмы – К. Маркса, позднего Й. Шумпетера, В. Ойкена и К. Поланьи, – очевидное тому свидетельство.

Если схематически представить сферу действия методологического индивидуализма и связанного с ним концептуального ядра экономического мейнстрима в отношении основных научных школ и разных парадигм, то можно увидеть следующую картинку (табл.). Здесь показано, что для ученых неоклассической и австрийской школ экономической мысли, придерживающихся одновременно антропоцентричной и эволюционной парадигм, принцип методологического индивидуализма (МИ) является органической частью теоретизирования относительно экономики.

Методологический индивидуализм характерен также для группы исследователей, причислявших себя к марксистской школе, но придерживающихся антропоцентричной парадигмы, хотя, казалось, на их «пересечении» должно быть «пустое множество». Ведь методологически антропоцентризму противостоит так называемый социоцентризм, который был характерен для К. Маркса и его

Таблица. Принцип методологического индивидуализма (МИ) в основных школах экономической мысли и научных парадигмах

Школы экономической мысли	Основные парадигмы		
	Антропоцентричная	Эволюционная	Системная
Неоклассическая	МИ	МИ	
Австрийская	МИ	МИ	
Марксистская	МИ	МИ ???	

последователей. Тем не менее, известен так называемый «аналитический марксизм» (Райт, 2007; Хаиткулов, 2009). Его представители (Э.О. Райт, Дж. Коэн, Дж. Элстер, Дж. Ремер и др.), отрицая методологический холизм и диалектику К. Маркса, стремились сохранить некоторые Марксовы категории и одновременно использовать методологию неоклассики (математические методы, теорию игр). Также для них был характерен акцент на интенциональных действиях индивидов, что описывалось у них понятием «марксизм рационального выбора». Правда, активное время работ этой школы было относительно недолгим (1980–1990 гг.).

Представители экономического сообщества, разделяющие системную парадигму, вряд ли склонны включать принцип методологического индивидуализма в качестве исходной предпосылки для построения своих теоретических моделей. Для них характерно иное видение экономики, некоторые особенности которого будут представлены в третьей главе. Но предварительно мы охарактеризуем основные направления атаки на принцип методологического индивидуализма, а также дискуссии по его поводу в российском обществоведении (гл. II).

3. «Линия фронта» борьбы с методологическим индивидуализмом

История обсуждений того, насколько адекватен разделяемый рядом экономистов принцип методологического индивидуализма реальностям экономики, параллельна истории создаваемых этими экономистами концепций. Критика методологического индивидуализма и связанных с ним предпосылок содержится уже в

работах Т. Веблена конца XIX в., и она до сих пор продолжается. Об этом, в частности, свидетельствуют работы большинства участников нашего проекта ««Направления критики современной экономической теории и проблема ее базовых предпосылок» О.И. Ананьина (2013), С.Г. Кирдиной (2008), Ю.Я. Ольсевича (2012), П.Н. Ореховского (2011), А.Я. Рубинштейна (2008, 2008а, 2012) и др.

Один из парадоксальных ответов на такого рода критику содержался в известной работе середины прошлого века Милтона Фридмена «The Methodology of Positive Economics», переведенной в 1994 г. на русский язык (Фридмен, 1994). Он отмечал, что речь не должна идти о релевантности предпосылок как таковых — важно лишь, чтобы построенная на их основе модель работала и могла предсказывать ход экономических процессов. Но, как известно, неоклассические модели на основе этого принципа в последние годы не работают достаточно хорошо. В недавнем докладе Ольсевича эта ситуация подробно описана и проанализирована (Ольсевич, 2013). Как иронично высказался в этой связи американский ученый Кен МакКормик, неоклассические модели позволяют моделировать только «сезонные колебания в потреблении мороженого» (McCormick, 2006, p. 3), а не фундаментальные вопросы эволюции экономических процессов.

Таким образом, приходится возвращаться к оценке адекватности принципа методологического индивидуализма, и здесь мы выделим два основных направления в попытках преодоления его ограничений.

Первое направление связано с построением альтернативных теорий экономического поведения, в которых индивиду вменяются иные «базовые инстинкты» — не столько рациональность и конкуренция, сколько стремление к кооперации, сотрудничеству, решению долгосрочных внеэкономических целей, альтруизм. Характерная черта этого направления — уход от утилитаристского представления о рациональном экономическом человеке (*homo economicus*) как «автономной глобуле желаний» (Veblen, 1919, p. 73) или «устройстве для молниеносного подсчета баланса страданий и удовольствий». Речь идет о введении предпосылок о социальном и эмоциональном «коллективном» человеке, порой иррациональном, следующим своим разнообразным «инстинктам» — от праздного

любопытства до стремления к совершенству (McCormick, 2006 с. 5). Укажем лишь на несколько наиболее известных примеров.

В мировой научной литературе знаковой фигурой данного подхода служит, конечно же, Торстейн Веблен. В своих многочисленных работах, написанных порой столь же сложно, сколь и саркастично, он представил элементы незаконченной им теории по этому вопросу. Веблен подробно описывает и классифицирует разного рода «групповые инстинкты (group-regarding instincts) и цели развития, которые определяют альтруистическое поведение людей, не соответствующее законам *economics* (подробный анализ см. McCormick, 2006, р. 6–16). В дальнейшей работе по проекту мы предполагаем охарактеризовать эти малоизвестные в русскоязычной литературе взгляды и подходы Веблена более подробно.

Еще одним примером в рамках указанного направления являются разработки российских ученых конца XIX – начала XX вв., хронологически параллельные трудам Веблена. Как отмечал Л.И. Абалкин, «для российской школы экономической мысли характерно признание примата общего, народнохозяйственного подхода над деятельностью и мотивацией индивидуума» (Абалкин, 2003, с. 19). Такой предмет исследования обозначили стоящие у истоков национальной экономической школы Н.С. Мордвинов и А.К. Шторх (Ольсевич, 2003, с. 36), представившие иной взгляд на человека как участника экономической деятельности. Еще П.А. Кропоткин в своей работе «Взаимопомощь как фактор эволюции» (Кропоткин, 2007/1902) спорил с Г. Спенсером, защищавшим конкурентный подход к социально-экономическому развитию на основе борьбы индивидов за ресурсы. Кропоткин, как и Веблен в своих работах, доказывал, что человечество смогло перейти на новый этап созидательной эволюции только потому, что научилось кооперировать свои действия и помогать друг другу. В человеческой природе представители российской школы экономической мысли выделяют не столько эгоистическое, сколько социальное начало. Об этом свидетельствуют, например, взгляды Н.Д. Кондратьева с его представлением о «двойственной естественно-социальной природе человека» и А.В. Чаянова, отмечавшего «социальность человеческой органической природы» (Ольсевич, 2003, с. 47–48). К сожалению, российские экономисты, как и Веблен, не смогли представить развернутой

теоретической альтернативы, сопоставимой по уровню разработанности и популярности с подходом оппонентов.

Другое направление снятия ограничений методологического индивидуализма состоит в попытках перехода от микро- к макроуровню анализа экономики. Предполагалось, что на макроуровне усредняются действия отдельных агентов и проявляются некие новые законы их экономического поведения, несводимые к поведению отдельного человека в заданных обстоятельствах.

Но в рамках экономического мейнстрима эти попытки привели не столько к пересмотру принципа методологического индивидуализма, сколько к расширению сферы его применения — от микро- до макроуровня, т.е. к развитию микроэкономического подхода в макроэкономическом анализе (подробнее см. Гурова, 1998). Его суть состоит в том, что изучаются законы поведения индивидуальных экономических агентов — домохозяйств и фирм, а затем происходит отождествление законов агрегированного поведения с законами индивидуального поведения (Хикс, 1993, с. 373). Таким образом, макроэкономическое развитие выводят из поведения микроэкономических единиц (Ackley, 1968, p. 570; Campagna, 1981, p. 5–7), то есть имеет место «подход к экономическим проблемам посредством изучения определенных агрегированных процессов» (Heilbroner, 1970, p. 21). Этот подход продолжает доминировать в сознании современных экономистов, в том числе и выступающих критиками современного мейнстрима. Так, уже упомянутый на страницах доклада известный теоретик эволюционной экономики Дози прямо указывает, что «макроэкономическая динамика получается из простого агрегирования индивидуальных действий» (Дози, 2012, с. 52).

Используют обычно два метода агрегирования: либо *агрегирование экономических ресурсов*, то есть соединение видов товаров и переменных в составные компоненты, либо разрабатывают модели агрегированного поведения, отождествляя его законы с законами индивидуального поведения. Совокупная экономика рассматривается как совокупность индивидуальных рынков, или индивидуальных кривых спроса и предложения, в предположении, что «все индивидуальные мотивы, действующие в определенном направлении, могут слагаться вместе в один общий мотив с точки зрения хозяйства, рассматриваемого в целом» (Харрод, 1997, с. 54).

Справедливости ради следует отметить, что данная логика не признается абсолютно бесспорной, и вопросы о возможностях и способах агрегирования до сих пор остаются открытыми, что фиксирует известная проблема соединения (*fallacy of composition*). Так, в экономической теории по-прежнему неясно, как корректно агрегировать индивидуальные доходы в «общественный доход» (Хикс, 1993, с. 296–300), гетерогенные капитальные блага – в «совокупный капитал» (см. «дискуссию двух Кембриджей»), а индивидуальные потребности и предпочтения – в общественные. Всеобъемлющий анализ дискуссий вокруг последнего вопроса, с постоянной актуализацией, дается в работах А.Я. Рубинштейна 2009–2012 гг.

На наш взгляд, в описанных попытках перехода на макроуровень анализа не удастся отказаться от принципа методологического индивидуализма. Он лишь «вменяется» разного рода новым субъектам – группе (когда суммируются индивидуальные действия) или государственному сектору со своей моделью поведения.

ДИСКУССИИ ВОКРУГ ПРИНЦИПА МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО ИНДИВИДУАЛИЗМА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВОВЕДЕНИИ

1. Социологическая дискуссия: активистско- деятельностный подход как синтетическая альтернатива

Для социологии, исследующей общество, недостаточность опоры на принцип методологического индивидуализма осознана фактически с момента ее становления как самостоятельной дисциплины. Один из ее основоположников Эмиль Дюркгейм в конце XIX в. написал о том, что общество есть реальность *suī generis* («как она есть»), т. е. существующая сама по себе, которая не выводится из свойств действующих в обществе субъектов (Дюркгейм, 1995), поэтому французского ученого считают сторонником предпосылки о «методологическом коллективизме», или «холизме». В свою очередь, его современник и теоретический оппонент Макс Вебер был наиболее известным приверженцем методологического индивидуализма. С тех пор дискуссия между представителями так называемого объективистского подхода с требованием «рассматривать общественные явления как феномен социальной целостности, не редуцируемый к индивидуальным действиям», и представителями субъективистского подхода «с установкой на их объяснение исключительно через действия индивидуумов» не прекращается, и она известна экономистам (Рубинштейн, 2012, с. 16). В дальнейшем один из участников проекта Ю.Г. Павленко специально представит взгляд экономиста на социологическую дискуссию вокруг принципа

методологического индивидуализма. Мы позволим себе высказать здесь некоторые предварительные соображения по этому поводу.

В отечественной социологии, начавшей развиваться в СССР в основном в русле марксистской традиции, также представлены объективистский и субъективистский подходы. Обоснованием того и другого послужили не столько взгляды Дюркгейма и Вебера, не очень популярные в годы становления советской социологии, сколько положения Марксовой концепции исторического материализма, составлявшего ее методологическую основу.

С одной стороны, исторический материализм базируется на следующем знаменитом утверждении К. Маркса и Ф. Энгельса, повторенном ими вслед за Л. Фейербахом: «История – не что иное, как деятельность преследующего свои цели человека» (Маркс, Энгельс, 1955, с. 102). Отсюда – исторические корни субъективистского подхода в марксистской и советской социологии. На наш взгляд, именно это направление доминировало и продолжает доминировать в отечественной социологии. Так, один из крупнейших современных авторитетов России в области социологической науки В.А. Ядов, призывая к тому, чтобы «сохранить и развить марксистский диалектико-исторический подход как социально-философскую ориентацию социологической теории» (Ядов, 1990, с. 188), выступает против принятия в качестве базисных таких понятий, как «социальная система», «социальная организация», «социальные институты». По его мнению, они «не схватывают главного. Главное – в структурах субъектных, а институты они используют своими орудиями, инструментами, средствами» (там же). Поэтому основной задачей социологии В.А. Ядов считает изучение социальных общностей, механизмов их становления, функционирования и развития.

С другой стороны, «теоретический основоположник советской социологии» Карл Маркс дал основания для развития объективистского подхода к изучению обществ. Он отмечал: «Люди сами делают свою историю, но они ее делают не так, как им вздумается, при обстоятельствах, которые не сами они выбрали, а которые непосредственно имеются налицо, даны им и перешли от прошлого» (Маркс, 1955, с. 119). Основа человеческой истории определяется теми условиями, в которых люди находятся, общественной формой, существовавшей до них, созданной не этими людьми, а результатом

деятельности прежних поколений (Маркс, Энгельс, 1968, с. 97). Эти высказывания концентрируют внимание исследователей на анализе макроструктур и институтов, т.е. задают взгляд на общество с позиций объективистского подхода. Здесь общество рассматривается как исторически развивающаяся совокупность отношений между людьми, складывающаяся на основе постоянных изменений форм и условий жизнедеятельности в процессе взаимодействия с окружающей средой. Рисунок показывает особенности социологического взгляда с позиций субъективистского и объективистского подходов.

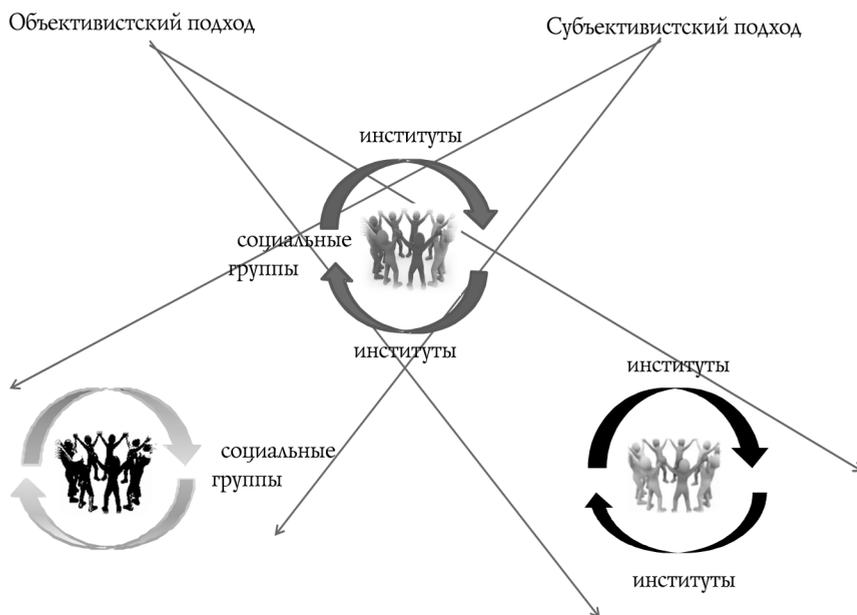

Рис. Специфика объективистского и субъективистского подходов к анализу социальных структур

Изучая одну и ту же социальную реальность, социологи либо обращают преимущественное внимание на социальные группы (субъективистский подход), изучая их с позиций методологического индивидуализма, либо концентрируются на изучении «несущих общественных конструкций» — институтов (объективистский подход), и тогда они, как правило, стоят на альтернативных позициях.

Специфика двух названных подходов отчетливо проявляется в исследованиях советских, а ныне и российских социоло-

логов, работающих даже в одних предметных областях. В качестве характерного примера можно отметить разные подходы к определению предмета экономической социологии — отрасли социологического знания, которая начала складываться в России в 1990-е гг. Так, московский социолог Вад.В. Радаев в своем курсе лекций по экономической социологии определил в качестве предмета новой дисциплины изучение социологического, социально-экономического человека (Радаев, 1997, с. 158–159). В рамках же Новосибирской экономико-социологической школы к предмету экономической социологии относят экономические институты, неизменное институциональное ядро экономической системы (Бессонова, 1998, с. 11).

Наличие двух подходов вполне объяснимо. С одной стороны, такой дуализм соответствует реальному устройству общества. В нем представлены как системные, образующие его устойчивые структуры, так и деятельность социальных субъектов, взаимодействующих между собой в рамках таких структур. С другой стороны, склонность к тому или иному подходу связана с психофизиологическими особенностями исследующих общество ученых, лучше воспринимающих либо структурные, либо деятельностные стороны человеческой истории. На эти особенности научного мышления указывал в своих работах А. Маслоу, который выделял у ученых склонности либо к аналитическому, либо к синтетическому способу построения концепций (Маслоу, 1999, с. 67–72).

Очевидно, что в рамках одного подхода невозможно более или менее полно объяснить социальные процессы. Поэтому объективистский (макросоциологический) и субъективистский (микросоциологический) подходы все чаще рассматриваются в качестве взаимодополняющих, а не противоборствующих. Тем более, что в реальной жизни макро- и микроуровни взаимосвязаны. Так, Э. Гидденс пишет, что «макроструктурные свойства социальных систем воплощены в самых случайных и мимолетных локальных интеракциях», и, наоборот, «многие характерные особенности обыденных социальных действий теснейшим образом связаны с длительнейшими и масштабными процессами воспроизводства социальных институтов» (Гидденс, 1993, с. 69). Поэтому их нельзя рассматривать в отрыве друг от друга (Ритцер, 2002, с. 420).

Как в экономической теории предпринимаются попытки преодоления ограничений принципа методологического индивидуализма, так и социологи стремятся преодолеть ограничения каждого из подходов путем конструирования «интегративных социологических парадигм» (Дж. Ритцер, Дж. Александер, И. Девятко и др.). Ядов обозначает попытки построения объединяющего подхода термином «деятельностно-активистская парадигма», и к ней он относит, кроме упомянутых авторов, работы М. Арчер, Э. Гидденса, П. Бурдьё и П. Штомпки. К этому направлению можно также отнести работы П. Бергера и Т. Лукмана, Р. Бхаскара и др. (Структура и воля, 1999). Активистско-деятельностный подход, по мнению ряда авторов, выступает «метаподходом, соединяющим разные теоретические традиции для анализа взаимодействия “структуры” и “агента”» (Ситнова, 2012, с. 65).

Тем не менее, при всем значении разработок в области активистско-деятельностного подхода, в его рамках, на наш взгляд, не удастся преодолеть альтернативность субъективистского и объективистского подходов. Если А.Я. Рубинштейн, как и указанные выше авторы, полагает, что можно говорить о «синтезе микро- и макро-социологических подходов, ... сочетании холизма и индивидуализма без принудительного выбора в качестве первоосновы одного из них» (Рубинштейн, 2012, с. 16), то мы склонны считать, что в методологическом плане такого синтеза не происходит.

Так, определение структуры у Гидденса в его структурационной теории лишает структуру ее автономных свойств, и автор сосредотачивается в основном на рассмотрении действий социальных субъектов, фактически подходя к анализу системы с позиций субъективистского подхода и принципа методологического индивидуализма. Не признана также убедительной аргументация Пьера Бурдьё, пытавшегося найти «средний пункт между действием и структурой» (Бурдьё, 1999). Поэтому единство двух основополагающих социологических подходов в этой и других концепциях, претендующих на их синтез, продолжает «оставаться проблематичным» (Громов и др., 1996).

Объясняя сохранение специфики каждого из подходов, обратимся к похожей ситуации в физике с ее дискуссиями о природе света в первой половине XX в. Тогда одни авторы полагали, что свет

представляет собой частицу, а другие — волну, при этом та и другая группа ученых опиралась на строгие данные экспериментов. Итогом дискуссии стало открытие Нильсом Бором принципа дополнительности, что привело к возникновению корпускулярно-волновой теории света. «Дополнительность, — писал Бор, — мы понимаем в том смысле, что оба аспекта (свет как волна и свет как частица) отражают одинаково важные свойства световых явлений, причем эти свойства не могут вступать в явное противоречие друг с другом» (Бор, 1961, с. 18). Анализ многолетней дискуссии между сторонниками объективистского и субъективистского подходов в социологии позволяет предположить, что в данном случае также имеет место принцип дополнительности. Оба подхода дополняют друг друга в более полном познании свойств общества, получая знания в рамках отличающихся, не сводимых друг к другу систем понятий. Несводимость в данном случае означает невозможность придерживаться одновременно двух подходов (или их «синтеза») при проведении конкретного исследования, — что не снимает возможности использования либо того, либо другого для разных исследовательских задач и объектов.

2. Расширительная трактовка принципа методологического индивидуализма в экономической социодинамике и теории опекаемых благ

Особого внимания, на наш взгляд, заслуживает попытка преодоления ограничений принципа методологического индивидуализма при построении теорий экономической социодинамики (Гринберг, Рубинштейн, 2000) и опекаемых благ (Рубинштейн, 2008, 2008а). Авторы полагают необходимым отказаться от абсолютизации принципа методологического индивидуализма и вводят вместо него так называемый «принцип комплементарности» (подробнее см. ниже). Но действительно ли речь идет о замене принципа методологического индивидуализма, или он — хотя и в расширительной трактовке, сохраняет свое содержание и, соответственно, накладывает свойственные ему ограничения на авторские теоретические схемы? Мы склонны признать, что второе утверждение более справедливо, и приведем свои аргументы.

Итак, одним из основных положений обеих теорий является включение в модель рыночного равновесия, кроме акторов с их функциями индивидуальной полезности, государства как особого актора с функцией социальной полезности, что и рассматривается как «отказ от принципа методологического индивидуализма» (Рубинштейн, 2008, с. 56). Тем самым предполагается, что методологический индивидуализм заменяется принципом комплементарности индивидуальных и социальных полезностей, более мягким и реалистичным. Данное утверждение позволяет авторам продолжить свои построения в рамках неоклассической школы экономической мысли и использовать идеи маржиналистского анализа. При этом принцип методологического индивидуализма продолжает, на наш взгляд, оставаться опорой авторских концепций.

При этом мы исходим из того, что принцип методологического индивидуализма выражается не столько в том, что анализируются функции исключительно индивидуальной полезности (как, видимо, полагают авторы), сколько предполагает «объяснение общественных явлений в терминах индивидуального поведения», как было отмечено в гл. I, п. 1. С этой точки зрения неважно, о каких игроках рынка идет речь — о фирмах или о «некоммерческой организации» под названием «государство». В соответствии с рыночными правилами и те и другие максимизируют полезность (индивидуальную или социальную) — иначе невозможно применение корпуса моделей маржиналистского направления, на которые опираются авторы экономической социодинамики и теории опекаемых благ. Государство как «дополнительный игрок, оперирующий на рынке наряду с другими его субъектами» (Рубинштейн, 2008а, с. 22), не может не стремиться к максимизации своего дохода. И авторы это отмечают: «наряду с ними [участниками рынка. — С.К.] субъектом рынка станет и государство, с присущей только ему функцией социальной полезности, которую оно и будет максимизировать в рамках находящихся в его собственности ресурсов» (Рубинштейн, 2008а, с. 79).

На наш взгляд, это соответствует предпосылке методологического индивидуализма, поскольку именно «методологический индивидуализм позволяет ... рассматривать поведение фирм в терминах максимизации полезности менеджеров, реально контролирующих ту или иную фирму, так же как государство — в терминах

максимизации полезности чиновников, политиков или групп с однородными экономическими интересами» (Шаститко, 2002, с. 36). Полагаем, что неявное сохранение фундаментального принципа методологического индивидуализма в отмеченных теориях провоцирует одно из постоянных направлений их критики со стороны оппонентов. Речь идет о легко подразумеваемых возможностях произвола государства — «некоммерческой организации», реализующей так называемый «социальный интерес».

Дополнительным аргументом в пользу опоры авторов на принцип методологического индивидуализма является и то, что построенные ими математические модели имеют в своей основе модель Викселя-Линдаля. Но Виксель, по признанию Дж. Бьюкенена, которого цитирует А.Я. Рубинштейн, исходит, прежде всего, из предпосылок методологического индивидуализма (Рубинштейн, 2012, с. 15). Авторы используют модель равновесия Викселя—Линдаля для случая вертикального суммирования функций спроса индивидуумов (в агрегатной форме) и государства как носителя общественного интереса (Рубинштейн, 2008а, с. 62). При этом благо, оцениваемое как общественное, входит в функцию полезности одновременно индивидуумов и государства и «приобретает некую двойственность: оставаясь частным благом для всех индивидуумов..., оно выступает в качестве общественного товара для пары носителей» (Рубинштейн, 2008а, с. 62) разных групп интересов — сводимых и несводимых.

Авторам приходится прибегать и к другим оговоркам. Отмечается, с одной стороны, что введение группы несводимых благ «смягчает» классическое требование взаимной независимости поведения субъектов рынка» (там же, с. 99). В то же время в предложенной математической модели рыночные игроки и государство действуют независимо, «вступая в состязательное взаимодействие ... в “борьбе” за ограниченные ресурсы» (там же, с. 60), что и приводит в конечном счете к рыночному равновесию.

Неопределенность отмеченных положений показывает, на наш взгляд, что ограничения, связанные с применением принципа методологического индивидуализма, преодолеть не удастся.

Можно найти подтверждение этому в дальнейшем развитии теории опекаемых благ как основы социального либерализма

в экономической теории (Рубинштейн, 2012). Говоря о том, как же определяются «общественные предпочтения, основанные на социально одобряемых ценностях и этических нормах, идеях справедливости и целесообразности, иных социальных установках» (там же, с. 20–21), автор в итоге приходит к следующему выводу. Это будут делать некие «другие люди» из политической системы, или «то небольшое количество выбранных индивидуумов, кому остальная часть населения доверила заботиться об общем благосостоянии» (там же, с. 10). При этом иных принципов, кроме методологического индивидуализма, исходя из которых можно говорить о так понимаемых механизмах формирования общественного интереса, автор, на наш взгляд, не приводит. Более того, он прямо указывает на вытекающие из этого принципа проблемы «принципала-агента», которые могут возникнуть в ходе реализации этими «другими людьми» общественного интереса (там же, с. 14).

Подводя предварительные итоги, можно констатировать, что задача преодоления ограничений методологического индивидуализма путем его «синтеза» с альтернативными принципами (методологического холизма или методологического коллективизма) или «смягчения» окончательно еще не решена. Это характерно как для социологической, так и экономической теории.

«МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗМ» – ОСНОВА ИНОГО VISION В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

1. Методологический институционализм как выражение методологического холизма в обществоведении

В работах экономистов и социологов оппозицией методологическому индивидуализму нередко выступает принцип методологического холизма. В этом случае речь идет о рассмотрении общества как целостной системы, отличающейся от суммы образующих его индивидов. Соглашаясь «по духу» с такой трактовкой, полагаем необходимым рассмотреть данный принцип более тщательно.

Принцип методологического холизма – это гносеологическая философская предпосылка, исследуемая со времен Аристотеля (IV век до н.э.). Суть холизма состоит в понимании того, что «целое больше суммы своих частей». При этом холистическая позиция заключается в приоритетном рассмотрении целого с точки зрения возникающих при взаимодействии элементов в системе новых качеств или свойств, отсутствующих у элементов.

Холизм противостоит редукционизму, при котором специфика целого «ищется» в составляющих его частях, а само целое понимается как набор образующих его первичных элементов. Методологический редукционизм и методологический холизм по-разному интерпретируют системы, рассматривая их либо как аддитивные, в которых система образуется как сумма своих частей, либо как эмерджентные или целостные, с наличием особых

качеств. Живые и социальные системы принадлежат, как правило, ко второму виду.

Редукционизм и холизм, также как анализ и синтез, могут быть рассмотрены как два комплементарных познавательных приема, эффективных для решения различных исследовательских задач, и они достаточно широко используются в разных системах знания, как естественнонаучных, так и социально-гуманитарных. Каждый из этих приемов может быть полезен, но может быть и гипертрофирован (см. Новый философский словарь). Ограничения методологического редукционизма могут полностью свести высшее к низшему, отказав высшим формам в специфике и самостоятельности. Это характерно, например, для биологизма при рассмотрении социальных систем. В свою очередь, абсолютизация целостности может приводить к отрыву высшего от низшего как в структурном, так и в генетически-эволюционном отношении. В экономике это может выражаться в пренебрежении к анализу механизмов обеспечения целостности экономических систем, а также в излишней абстракции экономических категорий, что было характерно, на наш взгляд, для политической экономии социализма.

Методологический холизм и методологический редукционизм являются частью общей методики научного познания и необходимо предполагают друг друга (Новая философская энциклопедия, 2001, с. 430). В тех или иных научных исследованиях они получают, как правило, конкретное содержание в зависимости от предметного поля.

Мы полагаем, что в экономической теории принцип редукционизма находит свое выражение в принципе методологического индивидуализма. Как отмечается в соответствующей статье «Словаря терминов по институциональной экономике», «в экономической теории методологический индивидуализм представляет собой реализацию общепhilosophического принципа методологического редукционизма, поскольку выводит свойства системы (экономики) из свойств ее элементов» (Литвинцева, 2001). Используя упрощенные модели *homo economicus*, данный принцип позволяет выявить некоторые закономерности экономического поведения, преимущественно на микроуровне, и использовать математическое моделирование для анализа экономических процессов.

В свою очередь, выражением методологического холизма при анализе экономических и социальных систем может служить, на наш взгляд, *методологический институционализм*⁷. Мы предлагаем это название на суд коллег и надеемся обсудить его, как и содержание самого принципа, в ходе дальнейшей работы по проекту «Направления критики современной экономической теории и проблема ее базовых предпосылок».

Надо сказать, что поиски адекватного названия для принципа, альтернативного методологическому индивидуализму, продолжаются не один год. В 2008 г. предлагался термин «институционально-социологический подход», при котором экономика анализируется как структура взаимодействующих институтов, а не индивидов (подробнее см. Кирдина, 2008, с. 18–19). В 2010 г. в совместном докладе с С.Ю. Малковым в дополнение к принципу «методологического индивидуализма» предлагалось ввести понятие «принципа целостности» (Кирдина, Малков, 2010, с. 5). При этом отмечалось, что целостность экономической системы, в которой действуют экономические агенты, обеспечивается существованием институтов. Именно институты как исторически закрепленные формы хозяйственной практики играют интегрирующую роль в экономических системах, позволяя им выживать и развиваться. Однако тогда мы не признали предложенный вариант названия удовлетворительным, указав, что «термин носит предварительный рабочий характер. По мере продолжения исследований и углубления понимания его действия, возможно, название будет изменено» (там же).

В настоящее время термин «методологический институционализм» представляется нам достаточно адекватной оппозицией принципу методологического индивидуализма и по смыслу, и по названию. В качестве первого аргумента мы выдвигаем неоднозначный для научного сообщества фактор внутренней убежденности в его точности. Много лет занимаясь исследованиями «за преде-

7. В предлагаемом контексте термин «методологический институционализм» является категориальной новацией. В русскоязычном Интернете представлено лишь использование аналогичного термина при анализе развития научных направлений, когда речь идет собственно об «институционализации методологий», характеризующих структуру и развитие науки (Фролов, 2002, 2008; Марача, 2003). Тем не менее, мы будем рады найти единомышленников, пришедших к аналогичным с нами выводам относительно роли «методологического институционализма» для организации «иного видения» экономических и социальных систем.

лами» экономического мэйнстрима, но, тем не менее, постоянно изучая его, приходилось наталкиваться на ограничения принципа методологического индивидуализма, мало продуктивного при изучении глубинных институциональных структур. При этом «ум тяготился» (по выражению В.О. Ключевского) невозможностью явно обозначить фактически реализуемые исходные предпосылки. Методологический институционализм, на наш сегодняшний взгляд, выражает их особенности весьма ясно.

Второй аргумент связан с многолетней рефлексией гетеродоксного направления в экономической теории. В нем присутствуют разнообразные и не связанные между собой, на первый взгляд, течения. Однако ядро этого направления образуют международные объединения ученых, проводящих институциональные и эволюционные исследования (the Association for Evolutionary Economics, the Association for Institutional Thought, the European Association for Evolutionary Political Economy). Аналогичная ситуация характерна и для российских «пушинских симпозиумов», которые уже 20 лет проводятся Центром эволюционной экономики (в сентябре 2013 г. состоится юбилейный X симпозиум). Здесь также сотрудничают ученые в области институциональной и эволюционной экономической теории. В дополнение можно отметить, что издательство «Дело» (Россия) много лет выпускает книги в серии «Институционально-эволюционная теория». Для институционально-эволюционного ядра гетеродоксной экономики характерно неприятие принципа методологического индивидуализма и одновременно — внимание к функционированию и эволюции институтов. Большинство экономистов этого направления разделяют представление о том, что экономика — это не взаимодействующие агенты, а система правил, по которым они взаимодействуют (Дози, 2012, с. 38).

В качестве третьего аргумента сошлемся на исследование Пьетра Кайцера из Утрехтского университета, посвященное методологическому анализу изучения институтов в социологии и экономике. Он также пишет о методологическом институционализме (*methodological institutionalism*). Сутью его ученый считает *уровень* объяснения того или иного устоявшегося явления и *связанность с действующими на этом уровне правилами*, идет ли речь о правилах внутри фирмы или на макроуровне (Keizer, 2007).

Конечно, и экономический мейнстрим не обходит институты своим вниманием, о чем свидетельствует мощное развитие неоинституциональной теории, отмеченное нобелевскими премиями. Для ортодоксальных экономистов также очевидно, что отношения индивидов, как правило, не независимы. Так, М. Фридмен отмечает, что практически не встречается ситуация, когда обмены между двумя индивидами затрагивают только их самих. Как правило, сделка между двумя субъектами «обязательно затрагивает какую-нибудь третью сторону» (Фридмен, 2006). Поэтому формируется система определенных общих правил, в рамках которых «своекорыстная деятельность купца и ростовщика будет содействовать продвижению общих интересов» (Бьюкенен, 1997, с. 58). Уподобляя, например, политиков, участникам рынка, Дж. Бьюкенен отмечает, что политический рынок также не действует в интересах общества, поэтому надо создать общие правила (конституцию) для участников такого рынка, в рамках которой действия политических «торговцев» удастся подобным образом согласовать с интересами всех остальных членов общества. Правила деятельности субъектов, или институты, становятся, таким образом, самостоятельным и интересным объектом исследования. Но, как мы отмечали выше, в экономическом мейнстриме институты изучаются с позиций методологического индивидуализма, в то время как для не разделяющий этот принцип гетеродоксной экономики характерен, на наш взгляд, методологический институционализм.

Под методологическим институционализмом понимается подход к исследованию любой социальной системы (от микро- до макроуровня) с точки зрения поддерживающих ее целостность и развитие формальных и неформальных правил (институтов) и *объяснение* общественных явлений в терминах институциональной структуры.

Почему мы полагаем, что методологический институционализм задает новое видение в экономической теории, для которого Й.А. Шумпетер ввел понятие *vision* (Шумпетер, 2012, с. 4. Цит по: Ананьин, 2013, с. 12)? Потому что он обращает внимание не на то, что, возможно, проще увидеть (действия экономических агентов), а на скрытые от прямого наблюдения условия этого поведения — институты.

Чтобы продемонстрировать трудности такого видения, обратимся к метафоре, которая, выступая посредником между известным и неизвестным, позволяет «навести внимание на путь адекватной вербализации» (Кузьмина, 2006, с. 50). Метафорически институты в обществе можно представить как силовые линии электромагнитного поля, формирующие саму его структуру. Как и силовые линии, институты непосредственно невидимы, хотя и существуют, и мы можем их фиксировать. Посредством магнитного поля осуществляется взаимодействие между движущимися заряженными частицами. Аналогично, при посредстве институтов осуществляется взаимодействие активных социально-экономических субъектов, институты упорядочивают эти взаимодействия. Как брошенные железные опилки распределяются вдоль силовых линий магнитного поля, создаваемого постоянным магнитом, так и люди — «вброшенные» в социальную жизнь, распределяются по «силовым институциональным линиям». Институт обмена сопоставит продавцов и покупателей, действующих по определенным рыночным правилам. В свою очередь, институт редиистрибуции задает взаимодействие центра и зависящих от него участников редиистрибутивного экономического процесса, и т.д. В институтах фиксируются важные для стабильного развития соглашения, исторически найденные социальными акторами в ходе противоречивых и порой конфликтных взаимодействий.

По Д. Норту, институты являются целостной конструкцией, включающей в себя формальные (конституции, общее право, инструкции) и неформальные (соглашения, нормы и кодексы поведения) ограничения на человеческие действия, равно как и принуждения к их исполнению (North, 1993; см. также: Норт, 1997, с. 16)⁸. Как при попытке переместить железные опилки с силовых линий можно наблюдать их возвратное движение, так и механизм санкций в случае отклонения поведения людей от принятых норм возвращает их к действию по действующим правилам.

8. Аналогичное определение дают социологи: институты представляют собой «устойчивый комплекс формальных и неформальных правил, принципов, норм, установок, регулирующих различные сферы человеческой деятельности» (Современная западная социология, 1990, с. 117).

Заметим, что бытующее разделение институтов на так называемые «формальные» и «неформальные» представляется неточным, хотя и весьма распространено. Но тогда идет речь лишь о правилах деятельности в формальной и неформальной сферах. Поэтому сам термин «институт» является в данном случае лишним, избыточным. Например, законы представляют собой законы, а не институты, точно также как традиции — это традиции, а не институты. Организации или фирмы также не являются институтами, если исследуются с точки зрения своего устройства.

На наш взгляд, именно тогда возникает необходимость употребить понятие «институт» или встать на позиции методологического институционализма, когда речь действительно идет о новом исследуемом явлении, о таких сплавах формальных и неформальных ограничений, которые действуют с неизбежностью «силовых линий» и структурируют общество (и его подсистемы) как исторически воспроизводящую структуру человеческих взаимодействий. Институтам принадлежит системообразующая роль в общественной жизни, поскольку они поддерживают ее «каркас», формируют комплекс возможного и предсказуемого поведения, уменьшают неопределенность в обществе. Институты также развивают структуры существования социума — и экономики как его подсистемы — в изменяющейся внешней среде и при эндогенных изменениях в обществе — росте образования, изменении демографических параметров, уровня развития территории и др. В них находит свое выражение общественный консенсус по важнейшим жизненно необходимым условиям развития. Если нет институтов, то нет и социальных систем.

Принцип методологического институционализма означает приоритетное рассмотрение целого с точки зрения возникающих при взаимодействии элементов в системе (или индивидов) новых качеств или целостных свойств (в данном случае институтов), которые отсутствуют у составляющих систему индивидов. Ядро связанных с этим принципом предпосылок только формируется, но методологи экономической науки уже могут его «высветить», например, в такой сфере институционально-эволюционных исследований, как сравнительный институциональный анализ, что будет показано ниже.

2. От Т. Веблена и К. Маркса — к сравнительному институциональному анализу и теории институциональных матриц

У истоков методологического институционализма как принципа анализа социальных и экономических систем стоят, на наш взгляд, такие известные фигуры, как Карл Маркс (1818–1883) и Торстейн Веблен (1857–1929). Хотя замечание О.И. Ананьина о том, что «классическая и маржиналистская картины экономической реальности сходны еще и в том, что ни в одной из них нет институтов» (Ананьин, 2013, с. 29), во многом справедливо, но по отношению к указанным представителям классической экономической теории он все-таки делает исключение (там же, с. 30–31). Действительно, в трудах этих ученых указаний на институциональную реальность, как и образцов ее анализа, содержится достаточно много.

Для Маркса институты — хотя сам термин им практически не использовался — были основанием изучаемой с позиций исторического материализма «объективной реальности», к которой вынуждены приспособляться люди. В свою очередь, структура институтов (К. Маркс рассматривал такие сферы их действия как экономика, политика и идеология) материально обусловлена уровнем развития производительных сил. Большое внимание Маркс посвятил анализу отношений собственности — важнейшему институту, определяющему специфику всей институциональной структуры. Наконец, учет историчности институтов — впервые об этом Маркс писал в своем анализе экономического развития Западной Европы в XV–XIX вв. — также является особенностью марксистского анализа институтов. В дальнейшем эти идеи были подхвачены и другими школами экономической мысли, но в них причины становления и изменения институтов отличаются от того, как это рассматривается в марксистской традиции. Очевидной заслугой Маркса является также анализ институтов как результатов социальной (коллективной) деятельности в ходе долговременного итерационного процесса.

Для Веблена институты были частью его эволюционной картины мира. Как и Маркс, Веблен придавал важное значение технологическому фактору в становлении институтов, рассматривал развитие институтов как естественно-исторический

процесс (частью которого являются революции). Общим для Веблена и Маркса является также признание определяющей роли не индивидуальных, а групповых (коллективных и классовых) характеристик при анализе социально-экономических явлений. Сформулированное Вебленом кредо экономической теории как эволюционной науки о том, что она «должна быть теорией культурного роста как процесса, определяемого экономическим интересом, теорией кумулятивной последовательности экономических институтов, сформулированной в терминах процесса» (Веблен, 2006/1898 с. 28) позволяет по праву отнести его к основоположникам принципа методологического институционализма в экономической теории.

Указание на особую роль Маркса и Веблена в становлении гетеродоксных направлений, реализующих принцип методологического институционализма, содержится в книге нынешнего президента Association for Evolutionary Economics австралийского ученого Филиппа А. О'Хары «Маркс, Веблен и современная институциональная политическая экономия (О'Нара, 2000).

В современных работах в области сравнительного институционального анализа и смежных с ним областей можно также увидеть проявление принципа методологического институционализма. Представленный О.И. Ананьиним свод общих методологических принципов этого направления, обозначаемого как экономическая компаративистика, базируется на трудах Т. Купманса и М. Монтиаса, Э. Нойбергера и У. Даффи, работах В. Ойкена и регуляциониста Р. Буайе. Выделены следующие характерные предпосылки исследований в области экономической компаративистики:

- холистический подход, то есть фокус анализа направляется на рассмотрение системы в целом, а не на поведение индивидов;
- разработка универсального и системно-нейтрального языка для описания исследуемых систем;
- определение изучаемой системы как институциональной структуры (институциональный подход, предполагающий построение базовой структуры институтов, или институциональных форм);

- формирование на этой основе типологии таких систем (сравнительно-типологический метод анализа);
- интерпретативная методология, которая находит свое выражение в выявлении латентных обобщенных структур и затем осмысливании конкретных социальных систем как их частных случаев (Ананьин, 2002, с. 9–10, 12).

Отмеченные Ананьиним особенности видения (*vision*) экономической системы и принцип методологического институционализма реализуются также в авторской теории институциональных матриц, базирующейся к тому же на ряде марксистских предпосылок (Kirdina, 2012). Поскольку эта теория многократно опубликована (Кирдина, 2001/2000; 2004; 2007 etc.), в настоящем докладе мы ограничимся изложением основных тезисов.

Теория институциональных матриц (ТИМ), или X-Y-теория, представляет собой разрабатываемую с конца 1990-х гг. макросоциологическую теоретическую гипотезу о двух устойчивых системах базовых институтов, определяющих природу и характер развития обществ. ТИМ разрабатывается в русле объективистского подхода в социологии (Э. Дюркгейм, Т. Парсонс и др.). Институциональная матрица (лат. *matrix* — первичная модель) представляет собой устойчивый исторически сложившийся триплекс взаимосвязанных базовых институтов, регулирующих функционирование основных общественных сфер: экономики, политики и идеологии. Базовые институты, сохраняя свое содержание, проявляют себя в разнообразных исторически меняющихся институциональных формах, специфика которых определяется историей и культурным контекстом конкретных обществ.

Анализ обширного эмпирического материала, начиная с древнейших государств Египта и Месопотамии и заканчивая современными странами, показывает, что в структуре общества устойчиво доминирует, как правило, одна из двух институциональных матриц: либо X-, либо Y-матрица. Они качественно различаются между собой содержанием образующих их базовых институтов.

Для X-матрицы характерны следующие базовые институты:

- в экономической сфере — институты редистрибутивной экономики (термин К. Поланьи). К ним относятся

институты условной верховной собственности; служебного труда (термин О.Э. Бессоновой); кооперации; реди-стрибуции (аккумуляции-согласования-распределения); X-эффективности (термин Х. Лебенстайна), т.е. снижения издержек нерыночными методами. Сущностью реди-стрибутивных экономик является обязательное опосредование центром движения благ и прав по их производству и использованию;

- в политической сфере — институты унитарного политического устройства: административно-территориального деления; иерархической вертикали власти во главе с центром; назначений; общих собраний и единогласия; обращений по инстанциям;
- в идеологической сфере — институты коммунитарной идеологии, основное содержание которой состоит в доминировании коллективных, общих ценностей, приоритете «Мы» над «Я». К ним относятся институты коллективизма; эгалитаризма; порядка, ценности труда ради благосостояния и холистические представления о мире.

Институты X-матрицы доминируют в России, странах Азии и Латинской Америки.

Y-матрица имеет следующие базовые институты:

- в экономической сфере — институты рыночной экономики: частной собственности; наемного труда; конкуренции; обмена (купли-продажи); Y-эффективности (максимизации прибыли);
- в политической сфере — институты федеративного политического устройства: федерации; самоуправления и субсидиарности; выборов; многопартийности и демократического большинства; судебных исков;
- в идеологической сфере — институты индивидуалистской идеологии, закрепляющие приоритет «Я» над «Мы», примат личности, ее прав и свобод по отношению к ценностям сообществ более высокого уровня. Это институты индивидуализма; стратификации; свободы; ценности труда ради дохода и «мереистические» (редукционистские) представления о мире.

Y-матрица превалирует в странах Европы, Северной Америки, Австралии и Новой Зеландии.

Доминирование той или иной институциональной матрицы в государстве зависит от характера материально-технологической среды. Выделяются два присущих ей альтернативных свойства: коммунальность или некоммунальность. Коммунальность означает, что обособление отдельных частей материально-технологической среды угрожает распаду всей системы. Это предполагает ее использование как единого объекта. Соответственно, требуются совместные координированные усилия значительной части членов общества по ее поддержанию и централизованное управление. Некоммунальность означает возможность обособленности важнейших элементов материальной инфраструктуры и связанную с этим возможность их независимого функционирования и частного использования. Некоммунальная среда разложима на отдельные элементы и может функционировать как совокупность разрозненных технологических объектов. Такая среда определяет неизбежность доминирования институтов Y-матрицы, в то время как коммунальная среда обуславливает доминирование институтов X-матрицы.

На протяжении развития государств в них сохраняется доминирующее положение базовых институтов либо X-, либо Y-матрицы, что обеспечивает целостность, выживание и развитие соответствующего типа общества. Институты из матрицы противоположного типа — комплементарные институты, — играют вспомогательную роль, лишь «дополняя до целого» институциональную структуру. Как в генетике доминантный ген, подавляя рецессивный, задает проявляющиеся признаки живого организма, так и институты доминирующей матрицы определяют характер складывающейся в обществе институциональной среды, задают рамки и ограничения для действия комплементарных, вспомогательных институтов альтернативной матрицы. Если доля комплементарных институтов слишком мала, тотальное доминирование доминантных институтов приводит общества к кризисам или застою. В то же время излишне агрессивное внедрение комплементарных институтов с попытками заменить ими доминирующую матрицу институтов приводит к социальным потрясениям и рево-

люциям. Прогрессивное развитие общества требует постоянного поиска оптимального институционального баланса между институтами доминирующей и комплементарной матриц.

В последние годы ТИМ все чаще используется для анализа динамики транзитивных обществ как альтернатива теориям модернизации и глобализации (Sandstrom, 2012).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подытоживая сделанный анализ, во-первых, отметим, что принцип методологического индивидуализма, формирующий категориальное ядро экономического мейнстрима, является устойчивым элементом большинства теоретических концепций неоклассической и австрийской школ экономической мысли. Он сохраняет свое значение в ортодоксальной экономике, обеспечивая постоянное наращивание пояса теорий в рамках экономического мейнстрима и возможности перманентных «синтезов» и включения новых знаний в рамки более чем сто лет развивающегося направления. В то же время прогностическая и объяснительная сила новых теорий ортодоксии все больше подвергается сомнению.

Во-вторых, за пределами экономического мейнстрима развивается направление так называемой гетеродоксной экономики, где принцип методологического индивидуализма не является популярным. Более важное значение здесь имеет принцип *методологического институционализма*, соответствующий холистическому подходу в анализе социальных (в т.ч. экономических) систем.

В-третьих, предпосылка методологического индивидуализма (отражающая редукционистский подход в общественных науках) и предпосылка методологического институционализма (как отражение холистического подхода) отражают принципиально различные взгляды на характер функционирования и развития экономической системы, а потому вряд ли могут использоваться в одном и том же исследовании — ни в расширительных, ни в «смягченных»,

ни в «интегральных» вариантах. По этому поводу можно вспомнить одну из сентенций основных религий мира, связанную с необходимостью придерживаться определенной позиции на пути к истине. В христианстве эта максима выражена в высказывании «Но да будет слово ваше: да, да; нет, нет; а что сверх этого, то от лукавого» (Евангелие от Матфея, 5:37). То же говорили и в древнем Израиле «“Да” праведных есть “да”, а их “нет” – “нет” (Мидраш раба, Ruth VII: 6. Цит. по: Nelson, 2013). Суры Корана также пронизаны этими идеями.

В-четвертых, основываясь на проведенном исследовании, мы готовы дополнить позиции коллег по проекту «Направления критики современной экономической теории и проблема ее базовых предпосылок» своим видением возможных путей развития экономической теории. Мы склонны согласиться с Дж. Дози в том, что «что спасти парадигму мэйнстрима, модифицировав ее должным образом, вряд ли возможно» (Дози, 2012, с. 38), несмотря на разного рода «сцепки», «сдвиги» и «повороты». Более реальной, на наш взгляд, выглядит перспектива развития гетеродоксного направления экономической теории, осознающего свои методологические основания и развивающего методики количественного анализа сложной «институциональной реальности». Возможно, мы увидим создание «единой теории институциональной и воспроизводственной эволюции», что является нереальным, по мнению Ю.Я. Ольсевича (Ольсевич, 2013, с. 7), но рассматривается в качестве одного из возможных векторов экономического теоретизирования в работах У. Баумоля и А.Г. Худокормова, особенно в предположении «разработки динамической теории инноваций» (Худокормов, 2009, с. 398).

В любом случае успех ждет тех, кто активно изучает и чувствует экономику. В свое время великий Леонардо да Винчи писал, что тщетны усилия художников, которые «выбирают для себя в качестве стандарта все что угодно, кроме природы – возлюбленной всех великих мастеров» (цит. по: Мюнц, 2007, с. 29). Повезет тем экономистам, для кого такой «возлюбленной» станет реальная экономическая жизнь, и они смогут переосмыслить те методологические принципы, которые мешают понять ее. Вполне вероятно, что принцип методологического индивидуализма станет одним из них.

Литература

- Австрийская школа в политической экономии: К. Менгер, Е. Бем-Баверк, Ф. Визер. 1992. М.: Экономика.
- Ананьин О.И. 2002. Компаративистика в методологическом арсенале экономиста. Научный доклад. М.: Институт экономики РАН.
- Ананьин О.И. 2013. Онтологические предпосылки экономических теорий. М.: Институт экономики РАН.
- Антропоцентризм / Новая философская энциклопедия. 2000. Т. 1. М.: Мысль.
- Бессонова О.Э. 1998. Институциональная теория хозяйственного развития России: Автореф. дис... д-ра социолог. наук. Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН.
- Блауг М. 2002. Тревожные процессы в современной экономической теории. Чем на самом деле занимаются экономисты // К вопросу о так называемом «кризисе» экономической науки. М: ИМЭМО РАН.
- Блауг М. 1994. Экономическая мысль в ретроспективе. М.: Дело ЛТД.
- Бор Н. 1961. Атомная физика и человеческое познание. М.: Изд-во иностранной литературы.
- Бурдые П. // Большой толковый социологический словарь. 1999. М.: ВЕЧЕ-АСТ. Т. 2.
- Бьюкенен Дж. 1997. Соч. Пер с англ. Серия «Нобелевские лауреаты по экономике». Т. 1. М: Таурус Альфа.
- Веблен Т. 2006/1898. Почему экономическая наука не является эволюционной дисциплиной / Истоки. Из опыта изучения экономики как структуры и процесса. М: Изд. дом ГУ-ВШЭ.
- Гидденс Э. 1993. Девять тезисов о будущем социологии // THESIS. Теория и история экономических и социальных институтов и систем. Зима. Т. 1. Вып. 1.
- Гринберг Р.С., Рубинштейн А.Я. 2000. Экономическая социодинамика. Препринт. М: Изд-во «ИСЭПРЕСС».
- Громов И.А., Мацкевич А.Ю., Семенов В.А. 1996. Западная теоретическая социология. М.: Изд-во «Ольга».
- Гурова И.П. 1998. Конкурирующие экономические теории. Ульяновск: УлГУ.
- Дози Дж. 2012. Экономическая координация и динамика: некоторые особенности альтернативной эволюционной парадигмы. Вопросы экономики, 2012.
- Допфер К. 2008. Истоки мезоэкономики // «Эволюционная теория, теория самовоспроизводства и экономическое развитие». Материалы 7-го международного симпозиума по эволюционной экономике, 14–15 сентября 2007, г. Пушкино, Московская область. М: Институт экономики РАН.

- Дюркгейм Э. 1995. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М.: Канон.
- История экономических учений (современный этап). 2007 / Под общ. ред. А.Г. Худокормова. М.: ИНФРА-М.
- История экономических учений. 2001 / Под ред. В. Автономова, О. Ананьина, Н. Макашевой: Учебное пособие. М.: ИНФРА-М, гл. 36.
- Кирдина С.Г. 2004. X- и Y-экономики: институциональный анализ. М.: Наука.
- Кирдина С.Г. 2001 /2000. Институциональные матрицы и развитие России. Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН.
- Кирдина С.Г. 2007. Модели экономики в теории институциональных матриц // Экономическая наука современной России. № 2(37).
- Кирдина С.Г. 2008. Теория и практика современного развития отрицают методологию индивидуализма / Экономист, № 8.
- Кирдина С.Г., Малков С.Ю. 2010. Два механизма самоорганизации экономики: модельная и эмпирическая верификация. М.: Институт экономики РАН.
- Коммонс Дж. 2007/1936. Институциональная экономика. Пер. с англ. // Экономический вестник Ростовского университета. № 4. Т. 5.
- Корнаи Я. 2004. Системная парадигма // Вопросы экономики, № 4.
- Кропоткин П.А. 2007/1902. Взаимопомощь как фактор эволюции: Редакция журнала «Самообразование». М.: Самообразование.
- Кузьмина М.А. 2006. Метафора как элемент методологии современного научного познания //СОЦИС, № 2.
- Кун Т.С. 1975. Структура научных революций. М.: Прогресс.
- Лившиц В.Н. 2013. Основы системного мышления и системного анализа. М.: Институт экономики РАН.
- Литвинцева Г.А. 2001. Словарь терминов по институциональной экономике. <http://vocabulary.ru/dictionary/96>.
- Малков С.Ю. 2009. Социальная самоорганизация и исторический процесс. Возможности математического моделирования. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ».
- Марача В.Г. 2003. Структура и развитие науки с точки зрения методологического институционализма // Методология науки: проблемы и история. М.: ИФ РАН.
- Маркс К. 1955. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта// Соч. 2-е изд. Т. 8. М.: Госполитиздат.
- Маркс К., Энгельс Ф. 1955. Святое Семейство, или Критика критической критики против Бруно Бауэра и компании// Соч. 2-е изд. Т. 2. М.: Госполитиздат.

- Маркс К., Энгельс Ф. 1968. Избранные произведения. М.: Прогресс.
- Маслоу А. 1999. Новые рубежи человеческой природы. М.: Смысл.
- Мюнци Э. 2007. Леонардо да Винчи. Художник, мыслитель, ученый / Пер. с англ. Т. 1. М.: ЗАО «БММ».
- Нельсон Р., Уинтер С. 2002. Эволюционная теория экономических изменений. М.: Изд-во «Дело».
- Нестеренко А.Н. 2002. Экономика и институциональная теория. М.: УРСС.
- Новая философская энциклопедия. 2000. Т. 1. М.: Мысль.
- Новая философская энциклопедия. 2001. Т. 3. М.: Мысль.
- Новый философский словарь. dic.academic.ru/dic.nsf/dic_new_philosophy/1332/ХОЛИЗМ.
- Норт Д. 1997. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала».
- Ольсевич Ю. 2002. Неортодоксальный взгляд У. Баумоля на достижения экономической науки в XX веке и ее задачи // Вопросы экономики, № 12.
- Ольсевич Ю.Я. 2013. Современный кризис «мейнстрима» в оценках его представителей (предварительный анализ). М.: Институт экономики РАН.
- Ольсевич Ю.Я. 2007. О психогенетических и психосоциальных основах экономического поведения // Montenegrin Journal of Economics. December.
- Ольсевич Ю.Я. 2012. Когнитивно-психологический сдвиг в аксиоматике экономической теории. Альтернативные гипотезы. Санкт-Петербург: Алетейя.
- Ореховский П. 2011. Зрелость социальных институтов и специфика оснований теории общественного выбора // Вопросы экономики, № 5.
- Радаев Вад.В. 1997. Экономическая социология: Курс лекций. М.: Аспект Пресс.
- Райт Э.О. 2007. Что такое аналитический марксизм // Вопросы экономики, № 9.
- Ритцер Дж. 2002. Современная социологическая теория. СПб.: Питер.
- Робинсон Дж. 1986/1933. Экономическая теория несовершенной конкуренции. М.: Прогресс.
- Рубинштейн А.Я. 2008. К теории рынков «опекаемых благ». М.: Институт экономики.
- Рубинштейн А.Я. 2008а. Экономика общественных предпочтений. Структура и эволюция социального интереса. С-Пб.: Алетейя.

- Рубинштейн А.Я. 2012. Социальный либерализм: к вопросу экономической методологии // *Общественные науки и современность*. № 6.
- Ситнова И.В. 2012. Институциональные изменения в современной России: активистско-деятельностный подход. М.: Перспектива.
- Современная западная социология. Словарь. 1990. М.: Издательство политической литературы.
- Сотин В.С. 2009. Эволюционная теория в экономической науке: проблемы и перспективы // *Проблемы современной экономики*, № 3 (31).
- Структура и воля // *Большой толковый социологический словарь*. 1999. Т. 2. М.: ВЕЧЕ-АСТ.
- Теория капитала и экономического роста: Учеб. пособие. 2004 / Под ред. С.С. Дзарасова. М.: Изд-во МГУ.
- Финансовый кризис и провалы современной экономической науки (А. Кирман, Д. Коландер, Г. Фельмер и др.). 2010 // *Вопросы экономики*, № 6.
- Фридмен М. 1994. Методология позитивной экономической науки // *THESIS*. Т. 2. Вып. 4.
- Фридмен М. 2006. Свободный рынок и конец истории (интервью), *Русский журнал*, 14 февраля (цит. по: А.Г. Худокормов. С. 158).
- Фролов Д.П. 2002. Институционализм в метаконкуренции экономических теорий // *Материалы научной сессии*. Вып. 1: Экономика и финансы. Волгоград: Изд-во ВолГУ.
- Фролов Д. П. 2008. Методологический институционализм: новый взгляд на эволюцию экономической науки // *Вопросы экономики*. № 11.
- Хаиткулов Р.Г. 2009. Феномен аналитического марксизма / Сборник докладов участников Российского экономического конгресса. М: ИЭ РАН.
- Харрод Р. 1997. Классики кейнсианства. Т. 1. М.: Экономика.
- Хикс Дж.Р. 1996. Стоимость и капитал. М.: Дело, Вита-Пресс.
- Ходжсон Дж. 2003. Экономическая теория и институты. Манифест современной институциональной экономической теории / Пер. с англ. М.: Дело.
- Худокормов А.Г. 2009. Экономическая теория: Новейшие течения Запада: Учеб. пособие. М: ИНФРА-М.
- Шаститко А.Е. 2002. Новая институциональная экономическая теория. Третье издание. М: ТЕИС.
- Шумпетер Й.А. 2012. Наука и идеология / *Философия экономики*. Антология. М.: Изд-во Института Гайдара.
- Ядов В. 1999. Россия как трансформирующееся общество (резюме многолетних дискуссий социологов). М.: Эдиториал.

- Ackley G.* 1968. *Macroeconomic Theory*. New York: Macmillan.
- Becker G.S.* 1976. *Economic approach to Human Behaviour*. Chicago: University of Chicago Press.
- Campagna A.* 1981. *Macroeconomics*. New York: St. Martin's Press.
- Edgeworth F.Y.* 1881. *Mathematical Psychics*. London: C. Kegan Paul & Co.
- Gintis H.* 1987. Review on Analytical Marxism by John Roemer // *The American Political Science Review*, Vol. 81. No. 3. Sep.
- Heilbroner R.* 1970. *Understanding Macroeconomics*. USA, New Jersey: Englewood Cliffs.
- Keizer P.* 2007. *The Concept of Institution in Economics and Sociology, a Methodological Exposition*. Working Papers. 07-25. Tjalling C. Koopmans Research Institute – Utrecht School of Economics, Utrecht University.
- Kirdina S.* 2012. From Marxian School of Economic Thought to System Paradigm in Economic Studies: The Institutional Matrices Theory // *Montenegrin Journal of Economics*. Vol. 8. Number 2. October.
- Lavoie M.* 1992. *Foundation of Post-Keynesian Economic Analysis*. Aldershot, UK and Brookfield, VT, USA: Edward Elgar.
- McCormick K.R.* 2006. *Veblen in Plain English. A Complete Introduction to Thorstein Veblen's Economics*. Youngstown, New York: Cambria Press.
- Mill J. S.* 1961. "Utilitarianism" in Max Lerner, Ed., *Essential Works of John Stuart Mill*. Bantam Books: New York.
- Nelson E.* Did Yeshua (Jesus) Reject Traditional Law? (<http://www.ed-nelson.com/modules.php?name=News&file=article&sid=67>) просмотр 4 апреля 2013.
- North D.C.* 1993. Five Propositions about Institutional Change. *Econ WPA. Economic History*, № 9309001.
- O'Hara P.A.* 2000. *Marx, Veblen and Contemporary Institutional Political Economy: Principles and Unstable Dynamics of Capitalism*, Cheltenham, U.K and Northampton, Mass.: Edward Elgar.
- Sandstrom G.* 2012. Instead of capitalism vs. socialism: a proportion-seeking review of two contemporary approaches in China and Russia // *Montenegrin Journal of Economics*. Vol. 8. № 4.
- Veblen T.* 1919/1990. *The Place of Science in Modern Civilization*. New Brunswick and London: Transaction Publishers.
- Woodford M.* 2009. Convergence in Macroeconomics: Elements of the New Synthesis // *American Economic Journal: Macroeconomics*, 1(1).
- Young D.* 2002. The meaning and role of power in economic theories // In: Hodgson G. M. (Ed.), *A modern reader in institutional and evolutionary economics: key concepts*, Cheltenham: Edward Elgar.

СВЕТЛАНА ГЕОРГИЕВНА
КИРДИНА

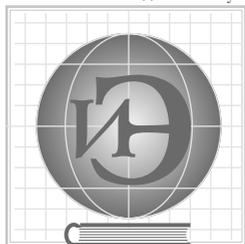
Светлана Георгиевна Кирдина начала исследовательскую деятельность в Новосибирской экономико-социологической школе академика РАН Т.И. Заславской (г. Новосибирск, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН). С 2002 г. работает в Институте экономики РАН (г. Москва), занимает должность зав. сектором эволюции социально-экономических систем. Кандидат экономических наук (1986), доктор социологических наук (2002). Сфера научных интересов – сравнительный институциональный анализ, теория институциональных матриц, методологические проблемы общественных наук.

Результаты исследований опубликованы примерно в 190 работах на русском и английском языках. Основные монографии: *Институциональные матрицы и развитие России* (М.: ТЕИС, 2000; 2-е изд. Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН. 2001), *X- и Y-экономики: институциональный анализ* (М.: Наука. 2004).

За работы 2011–2013 гг. на английском языке выдвинута руководством Ассоциации эволюционной экономики (Association for Evolutionary Economics) на премию Clarence Ayres Scholar (Award)-2014, присуждаемую ученым за пределами США.

kirdina@bk.ru; www.kirdina.ru.

Российская академия наук

Институт экономики

Редакционно-издательский отдел:

Тел.: +7 (499) 129 0472

e-mail: print@inecon.ru

Сайт: www.inecon.ru

Научный доклад

С.Г. Кирдина

К переосмыслению принципа методологического индивидуализма

Оригинал-макет – *Валериус В.Е.*

Редактор – *Полякова А.В.*

Компьютерная верстка – *Гришина М.Ф.*

Подписано в печать 14.05.2013 г.

Заказ № 22. Тираж 300. Объем 2,7 уч. изд. л.

Отпечатано в ИЭ РАН

ISBN 978-5-9940-0432-6

9 785994 004326